Сергей Самойленко, критик, драматург

Фотография — лучшая форма памяти. По крайней мере, до недавнего времени такой была. Про человека, обладающего отличной визуальной памятью, говорили: «У него фотографическая память». То есть он — в идеале — способен в мельчайших деталях восстановить в голове лицо одноклассника, с которым учился сорок лет назад, надпись на транспаранте, который несли в первомайской колонне, шрифт траурной передовицы газеты «Правда», картинки в книжке Агнии Барто, таблицы Брадиса, пейзаж с великой сибирской рекой в утро после выпускного вечера, схемы и рисунки в «наставлении по стрелковому делу» и печать на комсомольском билете.

В идеале такой человек помнит все. Все, кроме запахов, голосов, музыки, шороха листьев, плача младенца и прочих невизуальных подробностей жизни. Если бы можно было хранить в памяти все это — то это была бы точная, хоть и субъективная, неоцифрованная, не поддающаяся (пока) перезаписи копия человеческой жизни. Это в идеале. Но даже одной фотографической памяти достаточно. Можно снимать при помощи хрусталика и сетчатки прямо на подкорку, и это точнее любого фотоаппарата: разрешение человеческого глаза в тысячи раз превосходит самую совершенную фототехнику.

Увы, человеческий мозг — не очень надежное хранилище визуальных образов. Человек склонен умирать. Да и просто забывать даже самые важные вещи и даты: год Куликовской битвы, день рождения родителей, дедлайн сдачи статьи. Новые впечатления заглушают старые, а механизм забывания, как ни бьются ученые, так и не изучен.

Как не изучен, впрочем, и механизм самой памяти.

Вы заметили, что под словом «память» сегодня все чаще количественные показатели цифровых устройств — компьютеров, телефонов, пленэров? Фотоаппаратов в том числе. Память становится материальной, измеримой, наращиваемой.

Человеческая индивидуальная память субъективна и ненадежна. А коллективная, что, она надежней? Не смешите мою диафрагму. Семейный альбом с пожелтевшими снимками, с обломанными углами, с фигурными краями, с надписями на обороте поблекшими чернилами «Дорогому Мафусаилу на вечную память….» — он в разы, как говориться ныне, объективнее любого выпущенного под эгидой любого государства альбома, любой газеты с фотографиями, выставки финалистов международного фотоконкурса. И надежней — несмотря на плохой советский унибром и пленку «Свема».

Мы же прекрасно знаем, как исчезали с фотографий фигуры людей после того, как они исчезали из жизни. Мы отлично помним, как семьдесят лет вся фотография в советских газетах была исключительно постановочная и тщательно отретушированная. Мы не забудем, сколько негативов сожжено, сколько отпечатков порвано на мелкие кусочки, сколько потеряно, сколько забыто.

Фотография – немногим надежнее как носитель памяти. Попробуйте найти по какой-то надобности снимки тридцатилетней давности, особенно из тех сфер жизни, которые не попадали в объективы штатных фотографов агентств, газет и журналов — и вы будете неприятно поражены, как мало осталось.

Нет большего фантома, чем память. Нет большего поля битвы, чем память. Амнезия, Альцгеймер, склероз, фотошоп караулят каждый щелчок затвора.

Вы будете неприятно поражены через десять лет, как мало останется от снятого сегодня. Где черные квадраты дискет? Что стало с вавилонскими башнями ваших CD-дисков? Неужели вы думаете, что многотеррабайтные коробки сохранят все, за долгие диджитальные годы непосильным трудом и талантом нащелканное вами?

Как сохранить и преумножить увиденное, сфотографированное и записанное (на флешку, на подкорку, на сетчатку)? Как не дать государству и пропаганде использовать вашу личную, персональную, уникальную память для построения своего монструозного мавзолея забальзамированных образов (разумеется, под совершенно благовидным и благородным предлогом)? Как отделить патриотизм от пропаганды, позицию от ангажированности, карьеру от продажности?

Писателю проще — можно писать поперек, говоря метафорически, линованной бумаги (в ящик, в стол). Фотографу сложнее. Но каждый фотограф сам решает, как и что снимать и что с этим потом делать.